

Сайлес Марнер

Джордж Элиот

САЙЛЕС МАРНЕР

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Э46

Перевод с английского Нины Емельяниковой

Элиот, Дж.

Э46 Сайлес Марнер / Дж. Элиот ; [пер. с англ. Н. Емельяниковой]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 306 с.

ISBN 978-5-521-74879-2

«Сайлес Марнер» — самый яркий из «сельских» романов Джордж Элиот. Герои живут убедительной в глазах читателя жизнью, их окружает конкретный, узнаваемый мир. Это последний «автобиографический» роман писательницы.

Сайлес Марнер, искусный ткач и некогда уважаемый член небольшого религиозного общества, пережил предательство, людскую несправедливость и потерю с трудом заработанных долгими годами денег. Когда ничто, казалось бы, не вернёт замкнувшемуся и нелюдимому Сайлесу веру в жизнь и людей, в рождественские дни на его пороге появляется маленькая осиротевшая девочка. И душа отшельника оттаивает.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© T8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Н. Емельяникова,
наследники, 2019

ISBN 978-5-521-74879-2

Из всех даров судьбы на склоне лет
Нам драгоценнее всего ребенок:
Он вносит радость — в мысли о грядущем.

Вордсворт.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

В те дни, когда в деревенских домах деловито жужжали веретена и даже знатные дамы, разодетые в шелк и кружева, забавлялись игрушечными прялками из полированного дуба, в глухих местностях, расположенных далеко от проезжих дорог или затерянных в горах, можно было встретить каких-то бледных, малорослых людей. Рядом с крепкими сельскими жителями они казались последними потомками вырождающегося племени. Всякий раз, когда в поле, выделяясь черным силуэтом на фоне раннего зимнего заката, появлялся какой-либо из этих странных чужаков, собака пастуха принималась неистово лаять. Впрочем, какая собака не лает, увидев человека с тяжелым заплечным мешком? А эти изможденные люди редко пускались в путь без своей загадочной ноши. И сам пастух, хотя у него были все основания предполагать, что в мешке ничего нет, кроме льняной пряжи или нескольких штук сурового полотна, сотканного из той же пряжи, был уверен, что в ткацком ремесле, как бы полезно оно ни было, без участия дьявола дело не обходится. В те далекие времена необычные и даже просто редко повторяющиеся явления, как приход бродячего торговца или точильщика, легко порождали суеверный страх. Где дом этих скитальцев, откуда они пришли — никто не знал; а как можно судить о человеке, если тебе не довелось встретить

кого-нибудь, кто знал бы если не его самого, то хотя бы его отца или мать? Для сельских жителей тех времен мир за пределами их повседневного опыта казался чем-то смутным и загадочным, — их неискушенному разуму странствия этих людей представлялись чем-то таким же непостижимым, как зимняя жизнь ласточек, возвращающихся с наступлением весны. Даже к поселенцу, если он пришел издалека, до конца его дней относились с оттенком недоверия, и никто бы не удивился, если бы после многих лет безупречной жизни он совершил преступление, особенно если этот поселенец слыл человеком образованным или искусным в ремесле. Всякое умение, будь то ловкое владение таким хитрым инструментом, как собственный язык, или иное искусство, неведомое сельским жителям, уже само по себе казалось подозрительным: честные люди, рожденные и воспитанные на глазах у односельчан, обычно не отличались познаниями и широтой ума, во всяком случае их знания не шли дальше умения разбираться в приметах погоды. А способы приобретения быстроты и сноровки в каком-либо деле казались им настолько таинственными, что граничили, в их глазах, с колдовством. Все это объясняет нам, почему бродившие по деревням и селам ткачи, выходцы из города, оставались для своих соседей чужаками и почему у них возникали странные привычки, частые у людей, живущих в одиночестве.

В начале этого столетия неподалеку от деревни Рейвлоу, близ заброшенной каменоломни, в хижине, сложенной из камня и окруженной густым орешником, усердно трудился один из таких ткачей, по имени Сайлес Марнер. Подозрительное стрекотание ткацкого станка Сайлеса, столь непохожее на привычный ровный гул веялки или на мерные удары цепов, вызывало жгучее любопытство у окрестных мальчишек. Вместо того чтобы пойти в лес искать орехи и разорять птичьи гнезда, они проводили время перед окном каменной хижины, испытывая почтительный страх перед загадочной работой и в то же время презрительное чувство собственного превосходства. Озорники передразнивали чередующиеся звуки станка и глумились над вечно гнувшим спину ткачом. Случалось, что Марнер, расправляя спутавшиеся нити, замечал непрошенных гостей. Их появление было ему настолько не по душе, что он, хотя и дорожил каждой минутой, вставал из-за станка и, отворив дверь, устремлял на них такой взгляд, что они в страхе убегали без оглядки. Кто бы мог поверить, что большие карие навывкате глаза на бледном лице Сайлеса Марнера отчетливо различают лишь то, что находится совсем близко, и что от его страшного взгляда не происходит никаких бед, — мальчишку, который не успеет удрать, не схватят корчи, у него не размягчатся кости и не перекосится рот. Дети, вероятно, не раз слышали от родителей многозначительные намеки: что Сайлес

Марнер, если б только он захотел, мог бы исцелять людей от ревматизма и что тому, кто договорится с дьяволом, не нужно тратиться на врача. Такие своеобразные отголоски древнего преклонения перед дьяволом внимательный слушатель и сейчас еще может уловить в разговорах седовласых крестьян, ибо непросвещенному уму трудно представить себе могущество рядом со стремлением творить благо. Существует некая сила, которую можно убедить не причинять зла. В такую форму чаще всего облакаются представления о невидимом божестве в сознании людей, всегда отягощенных насущными заботами и влачащих жизнь, полную тяжкого труда, которая никогда не озаряется подлинным религиозным пылом. Таким людям значительно чаще приходится познавать беды и несчастья, нежели радость и наслаждение. В их воображении почти не возникает картин, порождающих желания и надежды, оно полно тяжелыми воспоминаниями и служит постоянным пастбищем для страха. «Подумайте, нет ли чего-нибудь такого, что вам сейчас пришлось бы по вкусу?» — спросили мы однажды у старого труженика, который был уже при смерти и отказывался от еды, какую предлагала ему жена. «Нет, — ответил он. — Всю свою жизнь я привык есть самую простую пищу, а сейчас мне не хочется и ее». Его жизненный опыт не подсказывал ему никаких заманчивых кушаний, способных возбудить в нем аппетит.